

В. Г. Белинский

**Странный бал, повесть
из рассказов на
станции, и восемь...**



Виссарион Григорьевич Белинский
Странный бал, повесть
из рассказов на станции,
и восемь стихотворений.
Сочинение В. Олина

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2828715

Аннотация

«Г-н Олин написал фантастический роман, под названием «Рассказы на станции», и до напечатания его решился отдельно издать из него отрывок, составляющий одну из его четырех частей. «Странный бал» есть этот отрывок, судя по величине которого можно заключить с достоверностью, что весь роман будет величиною с повесть для книжки журнала, а достоинством не уступит многим оригинальным повестям, и в журналах помещаемым и отдельно издаваемым. Итак, в добрый час, г. Олин! Не вы первые, не вы и последние! Благие предприятия всегда будут иметь своих деятелей...»

Содержание

Виссарион Григорьевич Белинский

Странный бал, повесть из рассказов на станции, и восемь стихотворений.

Сочинение В. Олина

*СТРАННЫЙ БАЛ, ПОВЕСТЬ ИЗ РАССКАЗОВ
НА СТАНЦИИ, И ВОСЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ.
Сочинение В. Олина. Санкт-Петербург. 1838. В
типографии III отд. собств. е. и. в. канцелярии. 112.
(12).*

Г-н Олин написал фантастический роман, под названием «Рассказы на станции», и до напечатания его решился отдельно издать из него отрывок, составляющий одну из его четырех частей¹. «Странный бал» есть этот отрывок, судя

¹ В «Предисловии» к «Странному балу» Олин писал: «Повесть эта, если смею так выразиться, в роде некоторых из *фосфорических* повестей Гофмана и Вашингтона Ирвинга, есть отрывок из фантастического романа под названием «Рассказы на станции», разделенного на четыре части, а именно: 1) «Станционная беседа» (Вступление), 2) «Странный бал» (предлагаемая здесь фантазмагория), 3) «Череп могильщика», 4) «Русский Мельмос...» (с. IX). «Рассказы на станции (ч. I–II)» вышли в 1839 г. (первую часть составили три первых перечисле-

по величине которого можно заключить с достоверностью, что весь роман будет величиною с повесть для книжки журнала, а достоинством не уступит многим оригинальным повестям, и в журналах помещаемым и отдельно издаваемым. Итак, в добрый час, г. Олин! Не вы первые, не вы и последние! Благие предприятия всегда будут иметь своих деятелей. Нам странно только то, что вы относите свою повесть к роду *фосфорических* повестей Гофмана и Вашингтона Ирвинга. Во-первых, по нашему мнению, оба эти писателя ничего общего между собою не имеют, и совсем не следует Вашингтона Ирвинга, талантливого рассказчика, ставить на одну доску с Гофманом, великим, генияльным художником; во-вторых, в *фосфорических* повестях Гофмана заключается не один только фосфор, черти и привидения, но еще и *мысль*, которая дает эту волшебную, обаятельную силу над духом человека; в-третьих, мы никак не можем понять, что за отношение между *фосфорическими* повестями Гофмана и фосфорическою повестью г. Олина... Нам кажется, что *мысль* и *талант* уничтожают решительно всякое соотношение между ними... Ошибка большая со стороны г. Олина – издать отрывок из романа прежде всего романа: отрывок-то, положим, что прочтут – зато роман-то останется без читателей... Потом: что за беспрестанные эти толки о романтизме, как поэзии кладбищ, чертей, ведьм, колдунов и приви-

ленных Олиным сочинения, вторую часть – повесть «Пан Копытинский, или Новый Мельмос»).

дений? Только в *двадцатых* годах понимали так романтизм, в то блаженное время, когда еще все журналы и альманахи украшались стихотворениями г. Олина и когда появилась его трагедия «Корсар», сделанная из поэмы Байрона, произведение великое, но теперь совершенно забытое...²

Но мы отвлеклись от предмета и забыли о «Странном бале» г. Олина. Что же это за бал такой? – А вот – видите ли, одному генералу сгрустнулось дома от бездействия и стошнило от неумеренного курения табаку – и он пошел прогуляться по улице. Дело было в Петербурге и ночью. В прогулке этой попался ему знакомый, Вельский-черт. Тем и сем заманил он генерала на бал; на этом бале так много было красавиц, что старый генерал разнежился и пустился плясать. Странно ему показалось, что у всех красавиц ножки гусиные и козьи, а у мужчин рожки на лбах; да так как тут был и маскарад, то Вельский-черт и легко рассеял беспокойство генерала. После танцев стали играть в фанты. Генералу, по вынужденному фанту, присудили спрыгнуть с комода.

Взобрался на него генерал, а спрыгнуть боится – над ним все шутят – он творит молитву, ограждает себя крестным знамением – и ни гостей, ни великолепно освещенной залы как не бывало; а сам он, вместо комода, стоит на лесах строящегося дома на четвертом этаже. Эту дивную повесть рас-

² См.: «Корсар, романтическая трагедия в трех действиях, с хором, романсом и двумя песнями, турецкою и аравийскою, заимствованная из английской поэмы лорда Байрона под названием: «The Corsair». Сочинение В. Н. Олина. СПб., 1827.

сказывал г. Олину сам генерал, выздоровевши от белой горячки.

И это фантастическое, гофмановское? Если так, то фантастический род самый легкий, и ничего нет легче, как сделаться Гофманом: стоит только дурным слогом пересказать в тысячу первый раз какую-нибудь ходячую простонародную нелепость...

Нет, господа, фантастическое совсем не это. Оно есть один из самых важных и самых глубоких элементов человеческого духа; мысль великая мерцает в таинственном сумраке царства фантастического... Но мы забылись – заговорили о мысли: к чему это и зачем это!..

Как бы предчувствуя, что «Странный бал» не удовлетворит читателей, г. Олин, чтобы вознаградить их хоть сколько-нибудь, приложил к нему восемь стихотворений своей работы. В одном из них, несмотря на его нехудожественную обработку, есть теплота, чувство. Оно называется «Монха» и похоже на отрывок из какого-нибудь драматического произведения. Действие в Испании; ночь; келия; Монха, с распущенными волосами, молится перед лампадою; кругом тишина и безмолвие; затем следуют стихи:

О пречистая! сияния
Звезд чистейшая лучей!
Все, молю тебя, желания
По тебе лишь в жажду слей!

Огонь любви моей преступный
В бедном сердце погаси
И в селенья недоступные
Дух к себе мой вознеси!

Хоть росинкой мне единою
Жарки перси освежи
И любовью голубиною
Сердце к небу привяжи!

Всё ты можешь, о святейшая!
Отрази мою беду!
Да, как лилия чистейшая,
Буду цвести в твоём саду!

Покрывало я венчальное
На святом огне сожгла,
И *колечко*³ обручальное
В дар тебе я принесла:

Всё напрасно, о владычица!
Мысль в прошедшее летит,
Тайным вздохом грудь колышется,
Сердце пышет и горит!

Милый образ все мечтается,
Слышу звук его речей;
В сновиденьях увивается

³ Курсив Белинского.

Он вокруг души моей.

Он – все он один – и только *он!*

Места думе нет иной!..

О владычица! услышь мой стон!

Плачу горько пред тобой!..

.....

.....

В храме ль божьем, о заступница!

Слышу пенье и орган, —

Трепещу я, как преступница,

Грех мой, мнится, изваян (?).

Всех молитвы окриленные,

Как с кадила фимиам;

А мои, испепеленные,

Не восходят к небесам!

Радость вышних, всесвятая,

Лоно благи живой,

Серафимов всех славнейшая,

Перл любви трисвятой —

Сердцу дай в тебе убежище,

Всезабвенья испроси:

Ты одна мое прибежище —

Деву слабую спаси!

Мы везде ищем хорошего и, найдя его, с радостью указываем на него другим. Жалеем, что не можем сказать того же об остальных семи стихотворениях г. Олина. Да и может ли быть у г. Олина много хороших стихотворений, когда он говорит о себе так:

Прошла пора очарований,
Пора безумства и надежд;
Погас в груди огонь желаний,
Люблю ничтожность и невежд!⁴

В *таком* состоянии духа не много напишешь хорошего...

⁴ Из стихотворения «Стансы»; курсив Белинского.